

ИДЕЯ ВОЗМЕЗДИЯ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ КАК ПРООБРАЗ ПРИНЦИПА ПРИЧИННОСТИ: АРГУМЕНТЫ НОРМАТИВИЗМА

А. Б. Дидикин
НИУ «Высшая школа экономики» (Москва)
abdidikin@bk.ru

ANTON DIDIKIN
Higher School of Economics (Moscow)

THE IDEA OF RETRIBUTION IN ANCIENT PHILOSOPHY AS A PROTOTYPE OF THE PRINCIPLE
OF CAUSALITY: NORMATIVIST ARGUMENTS

ABSTRACT. The paper analyzes the arguments of normativism on historical and philosophical reconstruction of the idea of retribution in ancient philosophy as a prototype of the principle of causality. Based on the Kelsen's ideas presented in the book *Society and Nature*, the features of mythological, religious and philosophical justification of the idea of retribution for sins and violations of positive rules in ancient society are revealed. The author comes to the conclusion that the idea of retribution, which is methodologically important for building a pure theory of law, is further transformed into the principle of imputation, which characteristic for the social studies and humanities, within Kelsen denies the principle of causality.

KEYWORDS: metaphysics, retribution, imputation, causality, philosophy of law.

В историко-философском наследии Г. Кельзена важное место занимают исследования, посвященные философским интерпретациям принципа причинности. Будучи элементом завершенного учения нормативизма, принцип причинности воспринимается им как объяснительный принцип современного научного познания, характерный для наук, изучающих природу. Кельзен как последователь неокантианской философии полагает важным разделять не только методы познания, существующие в естественных и гуманитарных науках (по аналогии с разделением «наук о природе» и «наук

ΣΧΟΛΗ Vol. 13. 1 (2019)
www.nsu.ru/classics/scholar

© А. Б. Дидикин, 2019

DOI: 10.25205/1995-4328-2019-13-1-xxx

о духе» в неокантианстве), но и понятийный аппарат, который также должен быть скорректирован в зависимости от того, что именно подлежит изучению. Подробно обоснованная Кельзенем идея о необходимости замены принципа причинности в правовой реальности на принцип вменения основывается на историко-философской реконструкции идеи возмездия в античной философии, предшествующей появлению представлений о причинно-следственных связях.¹ Такой методологический подход в нормативизме, систематизирующий понятийный аппарат «чистого учения о праве», получает тем самым дополнительное обоснование в книге *Society and Nature*, опубликованной Г. Кельзенем в 1943 г.² В этой книге предпринимается масштабное исследование трансформации античных представлений о возмездии в современные рациональные представления о причинности. Само себе исследование содержит в себе оригинальные трактовки истории античной философии, которые создатель нормативизма в дальнейшем воспроизводит в своих наиболее известных произведениях.³

Идея возмездия в мифологии. В древних обществах с господствующими мифологическими представлениями идея возмездия воспринимается двойственным образом: и в качестве инстинкта самосохранения, и как проявление божественной воли (наказания за греховное поведение). В то же время ощущение древнего человека о наступлении возмездия связано с его отношением к природным объектам. Когда дикарь топчет камень, о который он споткнулся, или ломает стрелу, ранившую его родственника, это выражает его простую защитную реакцию, полагает Кельзен, ссылаясь на работы антропологов.⁴ Первобытный человек действует на основе принципа неотвратимости возмездия во всех случаях, когда он испытывает добро или зло, либо причиняет их другим людям, и воспринимает его как универсальный принцип и для природы, и для его сообщества. «Идея возмездия настолько очевидна для первобытного человека, что когда его жертвы терпят неудачу, он может приписывать ее власти божества, управляющего миром».⁵ Кельзен полагает, что в мифологическом мышлении эмоциональное доминирует над рациональным как приоритет нормативного над причинно-следственным. Для древнего общества миф должен показать, что порядок вещей соответствует должному и быть средством обоснования социального

¹ Дидикин 2018.

² Kelsen 1943.

³ Такое упоминание, в частности, содержится во втором издании «Чистого учения о праве» 1960 г., см. Кельзен 2015.

⁴ Kelsen 1943, 52–53.

⁵ Kelsen 1943, 66.

порядка. Тем самым в нормативистской интерпретации мифологическое рассуждение больше соответствует эмоциональному восприятию мира и противоречит рациональному познанию.

Символы возмездия в древнегреческой религии и искусстве. Для религиозных метафизических учений вера человека в существование души после смерти служит воплощением возмездия как наказания за грех или поощрения сил добра. Как отмечает Кельзен, душа выступает предметом возмездия как трансцендентное выражение награды или наказания, исходящих от божества. В древнегреческой религии боги представляют собой прообраз высшего элитарного слоя античного полиса. Антропоморфизм греческих богов не подчеркивает их всемогущество, а скорее указывает на присущие им человеческие страсти и намерения. Тем не менее, боги правят миром по справедливости, так как справедливость является необходимым свойством осуществления воздаяния за поступки людей. Так, в произведениях Гомера отношения между богами представлены по аналогии с отношениями между людьми, а их поведение напоминает человеческое. Идею воздаяния может иллюстрировать символический пример с Эриниями, богинями мщения, которые предвещают неминуемую гибель человеку, нарушившему законный порядок вещей. «Возмездие рассматривается всегда и везде как некий обмен хорошего на хорошее, и плохого на плохое. И как говорится в начале *Илиады* “кто повинуется богам, тому дано услышать хорошее”». ⁶ В то же время вопрос о моральности или аморальности поступков к богам неприменим. Анализируя мифологические образы гомеровской *Одиссеи*, Кельзен обосновывает типологическое сходство древних царей и монархов с образами древнегреческих богов. Как абсолютный монарх божество выше и вне закона и морали, а значит все, что считалось бы грехом или преступлением, совершенным человеком, не является и не может быть таковым, если они совершены божеством. Таким образом, моральные императивы применимы лишь к земным людям, а человеческий внешний облик богов сохраняет лишь в качестве нерешенной проблемы теодицеи. Но в более поздних древнегреческих поэтических и философских произведениях демонстрация божественной справедливости сохраняется.

Символическое выражение справедливости богов упоминается и в поэме Гесиода *Труды и дни*, когда для иллюстрации знания совершенного зла он вводит промежуточных существ между Зевсом и людьми, наблюдающих за их поведением. Оценивая различные эпохи, он упоминает людей золотого века, превращенных Зевсом в ангелов, которые «добры, избавляя от зла, бу-

⁶ Kelsen 1943, 193

дучи хранителями смертных людей; ибо они бродят по всей земле, облаченные в туман, и следят за суждениями и жестокими деяниями, дающими богатство; такое высшее право они получили».⁷ Неизменная вера в справедливое возмездие полностью наполняет воображение древнегреческого поэта. Когда Гесиод говорит о праве, он имеет в виду право, преобладающее среди людей (позитивное право), проявление справедливости от богов Олимпа. Народ как бессильная масса расплачивается за беды, исходящие от земных правителей, и может надеяться лишь на неотвратимое возмездие. Так, по мнению Кельзена, в древнегреческом искусстве изображается формула воздаяния как следствие возмущения слабых против сильных, бедных против богатых. В этой формуле справедливость является лишь способом вернуться к прошлому, поскольку существующая ситуация несправедлива.

Теодицея и замещающее возмездие. В нормативистской интерпретации подчеркивается, что религиозные воззрения в античный период выступают средством поддержания социального порядка и обоснования государственной власти. В целях сохранения веры о справедливости в мире и возможности реализации божественной справедливости в древнегреческой религии обостряется проблема *теодицеи*. Религиозные идеи должны подчеркивать не столько вознаграждение за добро, сколько наказание за зло. Такое убеждение будет уместным, если воздаяние затрагивает последствия и добрых и злых поступков. Но если повседневный опыт показывает безнаказанность преступника, веру в справедливость поддерживать сложно. Так возникает античное учение о *замещающем возмездии*, когда появляется коллективная ответственность, то есть наказание для всего рода или социальной группы за преступление одного человека. Гнев богов может стать причиной жертвенной смерти всего города, или группы людей, или детей, отвечающих за преступления своих родителей.⁸ Такой мотив и образ проявляется в древнегреческих трагедиях. И если возмездие не материализовалось в земном мире, возможно воздаяние после смерти, в потустороннем мире. Кельзен внимательно анализирует произведения Гомера и утверждает, что такая форма возмездия в его сочинениях не представлена, даже в картине Аида, где обитают мертвые, которых не слышат, и измученные призраки людей. Идея возмездия, совершаемого над душой умершего, становится возможной, только если душа после смерти соединена с живой душой жизни в единую сущность. Аналогичные образы можно увидеть в поэтических произведениях Эсхила и Софокла. И следующим этапом рефлексии становится появление древнегреческой философии.

⁷ Цит. по: Kelsen 1943, 197.

⁸ Kelsen 1943, 211.

Кельзен связывает изменение религиозно-философских представлений с социально-политическими изменениями в античных полисах. Когда душа из субъекта возмездия становится объектом, качество и важность бессмертия души существенно повышается. Отрицание веры в реализацию божественной справедливости в земном мире постепенно переносит внимание античного человека на социальную природу юридических законов. Тем самым божества уже не рассматриваются в качестве причин всего происходящего в мире. Дополнение несовершенного правопорядка осуществляется через обоснование в религии и философии идеи бессмертия души. В качестве иллюстрации Кельзен приводит пример из орфической мифологии о том, как Зевс молнией убивает Титанов, которые ранее убили его сына Диониса. Из пепла убитых Титанов возникают человеческие существа, что является символом несовершенной человеческой природы, с одной стороны, и проявлением возмездия, с другой. Отсюда и сочетание в природе человека дионисийского начала в душе и качеств титанов в человеческом теле. В учении орфиков бессмертная душа заперта в теле человека, а власть над телом должна быть ограничена аскетизмом земной жизни. После смерти душа переходит в подземный мир, где будет судима и наказана за грехи и обиды во время пребывания человека при жизни. Кельзен полагает, что идея суда над умершими у орфиков связана не только с перевоплощениями души ради искупления вины, но и с фундаментальной для античной религии и философии идеей возмездия.⁹

В учениях орфиков и пифагорейцев проблема теодицеи решается путем доказательства справедливости человеческой судьбы.¹⁰ В этих рассуждениях возникает два препятствия (невиновные страдания и безнаказанность зла), которые преодолеваются обоснованием веры в суд над умершими и идеей метемпсихоза. Так, страдания, видимые в этом земном мире, всего лишь проявление наказания за неизвестную вину в прошлой жизни, исчезнувшей из нашего сознания. Либо вина, которая очевидна, но не искуплена в этом мире, найдет искупление после смерти.

Идеи возмездия и причинности в древнегреческой философии. Орфико-пифагорейская метафизика оказала влияние на философию Платона в части признания учения о бессмертии души. Дуализм души и тела в платонизме проявляется как контраст между добром и злом. В диалоге *Федон* Платон ориентируется на пифагорейские представления о душе как запертой в теле человека. Душа является благим началом в человека и средством восприятия абсолютного блага. Кроме того, душа отражает идеи, хотя такие

⁹ Kelsen 1943, 225.

¹⁰ Диоген Лаэртий, *О жизни философов* 8.22 сл.

отражения часто искажаются телом. Кельзен полагает, что в известных диалогах Платона *Горгий*, *Федон* и *Государство* вера в бессмертие души связывается им с реализацией справедливой идеи возмездия. То есть бессмертная душа в конечном итоге освобождается от тела, чтобы предстать перед судом в потустороннем мире.¹¹ Аналогично и в диалоге *Государство* Платон перечисляет, какие могут быть награды и наказания для души после смерти. Он метафорически описывает судей, которые направляют души праведников направо, где их ждет путь к счастью, и души неправедных на путь слева к горьким страданиям. Фактически наряду с несовершенным земным миром он конструирует другой мир, где запрос на справедливость и возмездие полностью выполняется. И такие метафизические идеи получают воплощение и в социально-политическом устройстве идеального государства. Тем самым, как отмечает Кельзен, в полемике с Анаксагором Платон обосновывает тезис о том, что смысл существования мира не может быть понят рациональным осмыслением причин и следствий. Познание должно быть направлено не на естественную реальность, которая воспринимается обманчивыми чувствами, а на идеи и ценности, выражающие высшее и разумно постигаемое благо.¹² Только в идее добра может познаваться истинная природа вещей.

Анализируя дальнейшие этапы развития античной философии, Кельзен обращает внимание на появление первых аргументов, обосновывающих в противовес идее возмездия и судьбы причинно-следственные связи, которые можно обнаружить в вещах. Такие аргументы он находит у Гераклита, Демокрита и Аристотеля. Идея Логоса у Гераклита как универсального закона, пронизывающего мир вещей, определяющего их изменения, оценивается им как попытка ухода от религиозно-мифологических представлений. «Идея о том, что только подобные вещи могут влиять на другие вещи, может быть обнаружена среди атомистов, у которых принцип причинности отделен от мифологических истоков».¹³ Кроме того, в нормативистской интерпретации рассматривается и философское учение Эмпедокла на основе фрагментов Диогена Лаэртia о тождестве принципа возмездия и законов природы ввиду того, что человеческая душа может быть воплощена в других существах, животных или растениях, обладающих равным правом на жизнь. Логическим завершением этого процесса развития античной философской мысли Кельзен считает атомистическое учение Демокрита как прообраз

¹¹ Kelsen 1943, 230

¹² O'Meara 2014, 27 (перепечатано с испр. O'Meara 2017; см. рецензии Афонасина 2018, Afonasin 2018).

¹³ Kelsen 1943, 235

идеи строгой причинности, поскольку признание существования в мире только атомов, постоянно сталкивающихся и расходящихся друг с другом в пространстве, не допускает поиска иных нематериальных причин такого движения.¹⁴

Историко-философская реконструкция этапов развития античной философии применительно к разграничению принципов возмездия и причинности позволяет Кельзену выстраивать на общей методологической основе идею разделения естественных и социальных наук. Фактически идея возмездия в современной интерпретации приобретает в нормативизме завершенную форму в виде принципа вменения (а не причинности, характерной для естествознания), требующего анализа правовых последствий человеческих действий. Корректная интерпретация античных философских и мифологических идей в нормативизме способствует раскрытию специфики формирования понятийного аппарата «чистого учения о праве», изначально обоснованного в контексте неокантианской философии.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Афонасина, А. С. (2018) «Космология и политика в поздних работах Платона (рецензия)», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 12.2, 721–734.
- Дидикин, А.Б. (2018) *Философское и правовое наследие Ганса Кельзена. Сб. статей и материалов*. Екатеринбург.
- Кельзен, Г. (2015) *Чистое учение о праве* (2-е изд.). С.-Петербург.
- Afonasin, E. V. (2018) "Cosmology and politics in ancient Greek thought (a review)," *Philosophy and cosmology* 21, 153–158.
- Kelsen, H. (1943) *Society and Nature. A Sociological Inquiry*. Chicago.
- O'Meara, D. (2014) "The Beauty of the World in Plato's *Timaeus*," *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 8.1, 24–33.
- O'Meara, D. (2017) *Cosmology and Politics in Plato's Later Works*. Cambridge.

Russian language sources transliterated:

- Afonasina, A. S. (2018) «Kosmologiya i politika v pozdних rabotah Platona [Cosmology and politics in Plato's later works, a review]», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 12.2, 721–734.
- Didikin, A.B. (2018) *Filosofskoe i pravovoe nasledie Gansa Kel'zena. Sb. statej i materialov*. Ekaterinburg.
- Kel'zen, G. (2015) *Chistoe uchenie o prave* (2-e izd.). S.-Petersburg.

¹⁴ Диоген Лаэртий 9.44 сл.